

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1880-е гг.)

В конце XX в. Ф.М. Достоевский стал одним из самых читаемых писателей в мире и продолжает им оставаться в настоящее время. В наши дни неугасающая популярность романиста подтверждается появлением множества новых переводов его произведений на самые разные языки. В этой связи инокультурная рецепция творческого наследия писателя представляет несомненный интерес для современных исследователей. Изучению различных аспектов этой проблемы посвящен целый ряд монографий, диссертаций и статей. Особенности восприятия произведений писателя в разных странах рассмотрены в работах У.Дж. Летербэрроу, П. Кая, Х. Мачник, А.Б. Криницына, Т.Л. Морозовой, Т.В. Бузиной и др. Переводческой рецепции отдельных произведений посвящены исследования О.В. Корневской, Т.В. Васильченко и др. Также существуют специальные работы, посвященные писательскому восприятию творчества Достоевского. Здесь следует упомянуть работы Р.Р. Хуснулиной, И.В. Львовой, М.В. Киселёвой и др., однако данная тема настолько обширна, что ученым потребуются еще многие годы для ее глубокого и полномасштабного изучения.

Предметом нашего исследования является сопоставительный анализ английских переводов романа «Игрок». В связи с этим необходимо проследить динамику восприятия творчества русского писателя в Великобритании, а также составить систематическое представление о состоянии британской достоевистики в наши дни. Попытка периодизации раннего этапа английской рецепции Достоевского была предпринята Хелен Мачник (Helen Muchnic), которая подразделяет его на 3 периода: ранние годы (1881–1888), спад интереса (1889–1911) и период Констанции Гарнетт (1911–1921) [1. С. 17]. Датировка подтверждает, что первоочередным ориентиром для исследовательницы служили годы создания переводов.

Настоящая работа является первым шагом в исследовании истории британской рецепции творчества Ф.М. Достоевского и посвящена ее раннему этапу, который охватывает период с 1881 по 1889 гг. Формально отсчет следует начинать с 1875 г., т. к. именно в этом году имя русского писателя было впервые упомянуто в нескольких статьях авторитетного британского литературного

журнала «Атенеум» («The Athenaeum»): в обзоре современной русской литературы американского исследователя Юджина Скайлера (Евгений Шулер, Eugene Schuyler), где упоминался роман «Подросток» [2. С. 153], и в опубликованном по недоразумению некрологе. Однако рядовой читатель не имел возможности познакомиться с произведениями русского романиста, поскольку в те годы ни одно из них еще не было переведено на английский язык. Именно поэтому заинтересованная публика была вынуждена читать Достоевского в немецких и французских переводах. Только в 1881 г. был издан первый англоязычный перевод «Записок из мертвого дома», представленный Марией фон Тило [3. С. 24]. Это издание не способствовало появлению произведений писателя на книжных полках простых англичан. Специалисты сочли перевод фон Тило вольным, а сам роман восприняли как документальный источник, описывающий жизнь писателя на каторге.

По ряду причин Великобритания познакомилась с творчеством Достоевского на несколько десятилетий позже, чем континентальная Европа, поэтому французские и немецкие ученые зачастую выступали посредниками в восприятии произведений писателя английским читателем и задавали направление трактовки романов. Значительную роль здесь сыграл французский дипломат и литературовед Э.М. де Вогюэ, опубликовавший в 1886 г. книгу «Русский роман» («Le roman russe»), которая в том же году была переведена на английский язык и надолго стала для британцев ключом к пониманию творчества не только Достоевского, но и таких писателей, как А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой. Принимая во внимание исключительную роль этого издания в формировании представления о наследии Достоевского и русской литературе в целом, нам представляется необходимым дать ему подробную характеристику. Книга составлена из очерков, каждый из которых посвящен творчеству одного из упомянутых авторов. Сверхзадача, которую ставил перед собой Вогюэ, приступая к работе над книгой, заключалась в том, чтобы сблизить русскую и французскую культуры [4. С. 1], поэтому его работа – это своеобразный рекламный ход для привлечения внимания французов к произведениям русских авторов, которых он очень высоко оценивал: «...влияние русских писателей будет спасительным для нашего истощенного искусства; оно поможет ему снова обрести крылья, научиться лучше наблюдать реальность, видеть дальше, и, главное, найти в себе источники волнения» [4. С. 1]. Французский литературовед представляет русских авторов так, чтобы у читателя

непрерывно возникло желание познакомиться с их творчеством. Так, раздел о Ф.М. Достоевском начинается фразой: «Вот он, *скиф*, *настоящий скиф*, который внесет переворот во все наши умственные привычки» [4. С. 261].

Отечественные ученые подвергают сомнению справедливость оценок Вогюэ. Например, исследователь Т.Л. Мотылева утверждает, что глава о Достоевском представляет собой «сочетание восторга и предвзятости» [5. С. 219]. Критик с восхищением говорит о глубине психологизма и силе таланта русского романиста, которые, на его взгляд, наиболее ярко проявляются в ранних произведениях и произведениях послекаторжного периода («Бедные люди», «Записки из мертвого дома»), и дает двоякую оценку «Преступлению и наказанию»: с одной стороны, это «самый глубокий этюд по психологии» со времен «Макбета», с другой – это «книга для людей науки, посвятивших себя изучению человеческой души», способная отпугнуть обычного читателя своей сложностью [4. С. 287]. Вогюэ считает романы Достоевского, созданные после «Преступления и наказания», более слабыми, чем все предшествующие произведения: «После этой книги талант прекратил свой подъем» [4. С. 290]. Несмотря на такое суждение, в своем очерке он уделяет внимание разбору всех романов «великого пятикнижия» и отмечает не только недостатки, но и достоинства каждого, хотя Т.Л. Мотылева указывает на торопливость и поверхностность этих фрагментов анализа [5. С. 220]. Объяснение столь негативного отношения французского критика к зрелым романам можно обнаружить в одном из его высказываний: «Любопытный тип русского упряма, считающего себя глубже всей Европы оттого, что в нем больше путаницы. Смесь медведя и ежа. Одержимость, позволяющая измерить, до каких крайностей дойдет славянский дух в предстоящем ему великом движении в глубь самого себя. В нас есть дух всех народов и сверх того русский дух, говорит Достоевский, значит, мы можем вас понять, а вы не можете нас понять!» [4. С. 295]. Подход французского литературоведа надолго установил рамки, определившие и даже ограничившие движение критической мысли.

Под влиянием этой работы в период с 1886 по 1888 гг. британский издатель и журналист Генри Визетелли выпустил серию произведений Достоевского в английском переводе, в которую вошли «Преступление и наказание», «Идиот», «Униженные и оскорбленные», «Вечный муж», «Село Степанчиково и его обитатели», «Игрок» и «Дядюшкин сон» в переводе писателя

Ф. Дж. Уишоу (1854–1934). Влияние Э.М. Вогюэ прослеживается даже в выборе произведений для публикации: предпочтение отдано романам и повестям, получившим положительный отзыв авторитетного француза. Единственным исключением здесь является роман «Идиот».

Серия переводов издательства Генри Визетелли положила начало популярности Достоевского в Великобритании. Самыми читаемыми стали романы «Преступление и наказание» (переиздан трижды) и «Униженные и оскорбленные» (переиздан дважды). Появление переводов сопровождалось пристальным вниманием литературной общественности: рецензии на новые книги публиковались в ряде периодических изданий: «The Spectator», «Scotsman», «Public Opinion», «Morning Post» и др, а также в авторитетнейших «The Athenaeum», «The Academy», «Pall Mall Gazette». Все рецензенты признавали величие таланта и яркую индивидуальность русского мастера, но, вслед за Вогюэ, были склонны трактовать его произведения (особенно поздние) как чтение исключительно для ценителей литературы такого рода или для специалистов по психологии и психиатрии. Наиболее резкая критика была направлена в адрес «не одобренного» французским литературоведом романа «Идиот», который рецензент журнала «The Spectator» называет «однозначно непривлекательным» произведением и «демонстрацией уродств» [6. С. 187]. Мы не имеем возможности составить некий общий портрет этих преданных последователей Вогюэ, т. к. практически все рецензии публиковались анонимно.

Несмотря на все недостатки очерка Вогюэ, его значимость превзошла все ожидания самого критика: он не только смог пробудить у французского читателя сиюминутный интерес к творчеству русского романиста, но и ввел его в круг чтения англичан. Английские литераторы обратили, наконец, внимание на творчество русского писателя, но, вместе с этим, подавляющее большинство без возражений признало поздний период его творчества периодом угасания таланта. Этот вектор прослеживается в статье Дж. Ломаса «Достоевский и его творчество» (1886). В своей работе Ломас идет дальше французского коллеги и называет автора «Братьев Карамазовых» и «Бесов» «предводителем секты», а его произведения – средством пропаганды идеологии ограниченного в своих взглядах меньшинства [7. С. 188].

Справедливости ради следует отметить, что не все британские литераторы слепо следовали за автором книги «Русский роман».

Наиболее внимательными и чуткими читателями оказались Р.Л. Стивенсон и О. Уайльд. Перу последнего принадлежит рецензия на «Униженных и оскорбленных», опубликованная в «Pall Mall Gazette» в 1887 г. С одной стороны, рецензент разделяет распространенное мнение о превосходстве И.С. Тургенева в плане стиля и Л.Н. Толстого в плане эпической полноты. Но, с другой стороны, он отмечает неуместность этого сравнения, т. к. Достоевский обладает уникальными качествами, которые позволяют ему занять свое собственное место в мире литературы. По мнению Уайльда, русский романист обладает даром разгадывать «глубочайшие тайны психологии и скрытые мотивы», а «его реализм, безжалостный в своей точности, ужасен, потому что правдив» [8. С. 15]. Именно Уайльд первым увидел в Достоевском мастера портрета, который умеет изобразить характер и эмоциональное состояние персонажа через незначительные жесты, детали одежды, поступки, не прибегая к пространным объяснениям и описаниям [8. С. 17]. Позднее английский романист признавал, что Достоевский оказал на него непосредственное влияние.

Анализируя творческий диалог писателей, Р.Р. Хуснулина утверждает, что «духовный кризис привел Уайльда к резкому противопоставлению личности и общества и остро поставил проблему, выдвинутую еще Достоевским, – “свободы воли” и ее нравственных пределов», которая получила художественное осмысление в романе «Портрет Дориана Грея» и пьесе «Саломея» [9. С. 51]. Исследователь также отмечает неслучайный характер реминисценций на «Преступление и наказание» в творчестве Уайльда, за которыми, по ее мнению, «стоит проникновение в художественный мир Достоевского, осмысление с позиций конца XIX века умонастроений эстетско-декадентской среды: поколебавшихся ценностей, духовной деформации, ставших ее приметой, которые оказали влияние на литературу первой трети XX века» [9. С. 53].

Еще одним читателем Достоевского, не поддавшимся влиянию Вогюэ, стал Р.Л. Стивенсон, который настолько заинтересовался творчеством русского романиста, что не стал дожидаться появления английских переводов и читал «Униженных и оскорбленных» и «Преступление и наказание» на французском. В письме Дж. Симондсу он называет этот роман «величайшей книгой из прочитанных им за последние десять лет» [10. С. 14]. Однако даже в окружении писателя не все разделяли это мнение. В том же письме Стивенсон отмечает, что его друг Г. Джеймс счел

книгу скучной и «не смог ее одолеть: всё, что я могу сказать по этому поводу, это то, что она почти одолела меня» [10. С. 15]. Причину такого восприятия романа англичанами писатель видел в «слабости ума» современного читателя, которая делает его неспособным жить «в книге» или «внутри персонажа», а заставляет смотреть издали, превращает в «зрителя кукольного театра» [10. С. 16].

Размышления Стивенсона о «Преступлении и наказании» незамедлительно отразились в рассказе «Маркхейм» (1885), в котором критики увидели неприкрытое подражание русскому романисту. В качестве продолжения диалога с Достоевским писатель создает «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда» (1886), а позднее – романы «Владелец Балантрэ» (1889) и «Уир Герминстон» (1894). В этих произведениях английский романист разрабатывает такие «достоевские» темы, как тема подпольного человека, тема двойничества и случайного семейства. Наиболее репрезентативной репликой в этом диалоге с Достоевским выглядит роман «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Р.Р. Хуснулина утверждает, что в этом романе «Стивенсон осмыслил догадку, высказанную Достоевским, и ставшую убеждением писателей XX века, что свет и тьма перемешаны, что дневная сущность часто скрывает ночную, а видимость вообще обманчива» [10. С. 14]. При этом двойники английского романиста существенно отличаются от двойников русского, что подтверждается фразой доктора Джекила: «Те области добра и зла, которые сливаются в противоречиво двойственную природу человека, в моей душе были разделены гораздо более резко и глубоко, чем они разделяются в душах подавляющего большинства людей» [11. С. 423].

Несмотря на пристальное внимание критиков и писателей в творчеству Достоевского, а также публикацию целой серии переводов в 1880-е, в 1890-е его имя было забыто. Это обусловлено рядом причин: во-первых, яркой самобытностью таланта писателя, разительно отличавшей его произведения от привычных английских романов в плане стилистики, выбора материала и т. д.; во-вторых, недостаточным высоким качеством переводов; в-третьих, прекращением деятельности единственного издательства, занимавшегося переводами его романов. Говоря об особенностях трактовки произведений писателя специалистами того времени, следует отметить доминирование субъективных, зачастую поверхностных взглядов Э.М. Вогюэ, вслед за которым

литературоведы и читатели признавали зрелые романы Достоевского менее успешными, чем произведения 1840-50-х гг. В период с 1890 по 1910 гг. появлялись отдельные публикации, посвященные творчеству русского романиста, но он уже не был столь популярен: старые переводы не переиздавались, новые не выпускались. Новая волна интереса к его творчеству захлестнула английское общество в 1911 г., когда стали выходить первые переводы Констанции Гарнетт. Этот период также представляет безусловный интерес в рамках нашего исследования.

Список использованных источников

1. Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation (1881-1936). Smith College Studies in Modern Languages 20, 3-4. – Northampton Smith College, 1939. – 350 p.
2. The Athenaeum. – № 2513. December 1875. – 874 p.
3. Leatherbarrow W.J. Introduction: Dostoevskii and Britain // Dostoevskii and Britain. – Oxford; Providence: Berg Publishers Ltd, 1995. – 310 p.
4. Vogue E.M. The Russian Novel. – New York: Alfred Knopf? 1914. – 420 p.
5. Мотылёва Т.Л. Два взгляда на Достоевского: М. де Вогюэ и Дьердь Лукач // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 8. 1988. – С. 218–227.
6. The Spectator. – Vol. 60, 1887. – 1575 p.
7. Lomas J. Dostoevsky and His Work // MacMillan Magazine, 1887.
8. Wilde Oscar. A Batch of Novels // Pall Mall Gazette. May 2, 1887.
9. Хуснулина Р.Р. Английский роман XX века и наследие Ф.М. Достоевского. – Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2005. – 260 с.
10. Stevenson R.L. Letters. – Vol.2. – 204 p.
11. Стивенсон Р.Л. Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 784 с.

Научный руководитель О.В. Седельникова, д. филол. н., доцент ТПУ

Стенура С.Н.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

ПАРОДИЯ А.Г. АРХАНГЕЛЬСКОГО НА ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ РОМАНА ДЖ. ДЖОЙСА «УЛИСС»

Пародия А.Г. Архангельского на первые русские переводы модернистского романа ирландского писателя Дж. Джойса «Улисс» была опубликована в 1933 г. в альманахе «Год шестнадцатый». Она называлась «Искатели Жемчуга Джойса (Отрывок из романа)». Сам роман «Улисс» был опубликован в Париже в 1922 г. Уже в 1920-х гг.